

Особенности смешения славянских языков (украинского и русского) с венгерским в языковом ландшафте Закарпатской области

VOLODYMYR SHYLOV

*University of Szeged, Dugonics square 13,
H 6720, Szeged, volodymyrshylov@gmail.com*

DOI: <https://doi.org/10.18690/scn.17.1.119-139.2024>

————— 1.01 Izvirni znanstveni članek – 1.01 Original Scientific Article —————

Veliko etničnih Madžarov živi v Zakarpatski regiji Ukrajine, kjer je jezikovna situacija takšna, da lahko govorke in govorci mešajo slovanske jezike (ukrajinjščino in ruščino) z madžarščino in obratno. Tovrstne primere najdemo tudi na uličnih napisih, zato je pojav smiselno preučevati v okviru analize jezikovne krajine. Vse primere, predstavljene v članku, potrjujejo fotografije, ki jih je avtor članka posnel v času svojih potovanj v Zakarpatje med letoma 2019 in 2021. Tematika je lahko aktualna tudi za slovensko-madžarske in srbsko-madžarske dvojezične govorke in govorce iz Prekmurja in Vojvodine.

A large number of ethnic Hungarians live in the Transcarpathian region of Ukraine. They may cause the mixing of Slavic languages (Ukrainian and Russian) with Hungarian and vice versa. Examples of such mixings can be found on street inscriptions, so it makes sense to study this phenomenon as part of the analysis of the linguistic landscape. The cases presented in the article are supported by photographic material obtained by the author of this paper during his trips to Transcarpathia in 2019-2021. This topic may also be relevant for Slovenian-Hungarian and Serbian-Hungarian bilinguals from Prekmurje and Vojvodina.

Ključne besede: jezikovna krajina, jezikovno mešanje, Zakarpatje, madžarski jezik, ukrajinski jezik, ruski jezik

Key words: linguistic landscape, language mixing, Transcarpathia, Hungarian language, Ukrainian language, Russian language

Введение

Языковой ландшафт – это совокупность письменных знаков, существующих на определенной территории (например, в городе, регионе или даже целой стране). Сюда можно отнести официальные въездные таблички,

названия улиц и площадей, частные объявления, рекламные вывески, граффити и многое другое. Данный термин был впервые использован Лэндри и Бурхисом в 1997 году (Landry, Bourhis 1997).

Закарпатская область, расположенная на западе Украины, славится тем, что здесь используют много языков. Это украинский (единственный официальный язык в стране), а также английский, русский, венгерский, румынский, немецкий, словацкий и т.д. Таким образом, возникает идея исследовать Закарпатье в рамках анализа языкового ландшафта.

Если посмотреть на предыдущие работы по языковому ландшафту украинских городов, то надо сказать, что это направление уже успело заинтересовать многих исследователей, таких как Ольга Бевер (Bever 2010), Светлана Льявский-Экелунд (L'nyavskiy-Ekelund 2016) и Анета Павленко (Pavlenko 2009, 2010, 2012; Павленко 2017). Кроме того, есть новые статьи по языковому ландшафту Западной Украины. К примеру, Тамара Козак исследовала англоязычный колорит города Львова (Козак 2019), а Наталья Матвеева сравнивала языковые приоритеты в Тернополе со столичным Киевом (Матвеева 2022).

Что же касается Закарпатской области, то тут стоит обратить внимание на диссертацию Галины Шумицкой по поводу общей языковой ситуации в регионе (Шумицька 2021). Кроме того, есть солидное количество работ по языковому ландшафту Закарпатья от Леся Белей (Белей 2012), Степана Черничко (Черничко 2014, 2019), Корнелии Гиреш-Ласлов (Гиреш-Ласлов 2015; Hires-László 2019), Золтана Кормочи (Karmacsi 2019) и пр. Однако, это вовсе не означает, что в этом регионе данная тема уже полностью исчерпала свой потенциал. К примеру, до сих пор нет исследований, посвященных целенаправленному изучению ошибок, которые можно найти здесь на разных языках. В этой сфере особенно выделяются случаи украинско-венгерского языкового смешения, которые наблюдаются как на украинских, так и на венгерских уличных надписях в регионе. С чем же связано возникновение ошибок подобного характера?

Первая причина – территориальная. Практика показывает, что наиболее интересные примеры смешения украинского языка с венгерскими элементами присутствуют, в основном, в районах компактного проживания венгерского этнического меньшинства. Весьма любопытной по этому поводу кажется цитата Анны Тарканій: «Попад в некоторые села вблизи венгерской границы, можно усомниться в том, что это все еще территория Украины». Поскольку люди здесь, по ее мнению, «общаются исключительно на венгерском, то далеко не каждый из местных способен ответить на вопросы украиноязычного гостя, или сделает это в лучшем случае на ломаном русском» (Тарканій 2011).

Компактный характер расселения закарпатских венгров привел к тому, что большая часть из них проживает в населенных пунктах практически без украиноязычного окружения (Черничко 2011: 220). Как следствие, Газдаг частично связывает фактор их компактного проживания с низким

уровнем владения украинским и русским языком (Газдаг 2015: 394). Исходя из переписи 2001 года, только 58,7% венгров Закарпатья знали еще хотя бы один язык, помимо родного венгерского (Черничко 2013: 75). Иными словами, лишь чуть больше половины из них могли общаться выборочно или на украинском, или на русском. Еще в одной работе Черничко есть график, где стремительно падает уровень владения украинским языком, в зависимости от увеличения процента венгров в населенных пунктах (Черничко 2005: 154). Кроме того, с возрастанием доли венгров в этническом составе определенной местности, «уменьшается восприятие украинского и русского языка как легкого, а также увеличивается количество тех, кто считает эти языки трудными для усвоения» (Пилипенко 2014: 254).

Второй причиной, по мнению ряда местных специалистов (Черничко 2009, 2011, 2017, 2018; Берегсаси, Черничко 2005; Черничко, Барань 2013), является недоскональная система образования в школах национальных меньшинств Закарпатья. По данным 2001 года (именно тогда проводилась последняя официальная перепись населения), у венгров и румын был самый маленький процент лиц с высшим образованием среди всех национальностей в Украине – 15,1% и 10,2% соответственно. В то же время, у русских этот показатель составлял 40,6%, а у украинцев – 29,4%. Даже если проанализировать данные по другим этническим группам, то увидим следующее: белорусы (36,9%), крымские татары (29%), поляки (28,6%), болгары (27,1%) и т.д. (Мельник, Черничко 2010: 124–125).

Еще больше пугают цифры по количеству детей, не сдавших государственный тест (внешнее независимое оценивание, ВНО) по украинскому языку и литературе. К примеру, в 2015 и 2016 годах более половины выпускников венгерских школ из Закарпатской области провалили этот экзамен (Черничко 2017: 224). Как считает Черничко, для венгерских детей должна существовать отдельная программа по изучению украинского языка не как родного, а как иностранного. В противном случае, эти ученики будут теряться в потоке грамматических правил языка, которого они практически не знают. Тем самым, они не смогут овладеть государственным украинским языком на высоком уровне (Черничко 2009: 108).

1 Можно ли называть смешение украинского языка с венгерским суржиком?

Поскольку мы имеем дело со смешением украинского с другим языком (в данном случае венгерским), то здесь можно провести некую параллель с украинско-русским межъязыковым взаимодействием, более известным как суржик. С точки зрения лингвистики, суржик – это «элементы двух или нескольких языков, объединенные искусственно, без соблюдения норм литературного языка; нечистый язык» (Білодід 1978: 854). Первое, что приходит здесь на ум – это смешение украинского языка с русским.

Например, в одной энциклопедической статье под термином «суржик» отмечается следующее: «в более узком значении именно смешанная украинско-русская речь, в любом виде» (Тараненко 2007: 689).

Таким образом, среди исследователей суржика сформировалось некое утверждение, что прежде всего это смешение украинского языка с русским. В то же время, суржи́ком теоретически может быть «микс» любого иностранного языка с украинским, а отождествление понятия с украинско-русской речью произошло по той причине, что данная проблема существенно превосходит по масштабу «гибриды» украинского с другими языками. Какие именно языки здесь можно перечислить и есть ли реальные основания называть все это суржи́ком?

Некоторые исследователи уже занимались вопросом смешения украинского языка с каким-либо другим, помимо русского. К примеру, о своеобразном украинско-английском просторечии как о «суржике нового типа» упоминается в работах Ажнюка (Ажнюк 1999: 295) и Чередниченко (Чередниченко 2007: 72). Такой вывод ими делается на основании англоязычных заимствований в языке украинских СМИ (Масенко 2019: 9). О том, что украинский язык заимствовал целый ряд компьютерных и бизнес-терминов, а также лексем, связанных с англо-американской культурой и шоу-бизнесом, пишет еще Белей (Белей 2017: 7). Впрочем, данный процесс не является уникальным для украинского языка, так как англицизмы сейчас приживаются практически везде. Механизм, по которому они попадают в языки всего мира, мало чем отличается в той или иной стране, поэтому выделять именно украинско-английский суржик кажется не совсем уместным.

Майкл Флаер перечисляет три «гибрида», из которых якобы состоит суржик. Один из таких «гибридов» произошел путем «добавления польских элементов к исходному украинскому на западе Украины, а другие два – на базе украинского с примесью русских элементов и на базе русского с примесью украинских элементов» (Flier 2000: 115–116). Хотя эта теория получила неоднозначные отзывы (Мозер 2016: 33–36), но она лишней раз позволяет задуматься о том, что суржик может не ограничиваться одной лишь украинско-русской «веткой».

Стоит сказать, что некоторые исследователи пошли еще дальше. Так, Гриценко причисляет к суржи́ку не только смесь украинского языка с русским и упомянутым выше польским, но еще с румынским, словацким и венгерским (Гриценко 2003: 18). И вот мы плавно подходим к интересующему нас Закарпатья, где Рыбалко выделяет «словацко-руско-украинский суржик» под видом «искусственного, скомпонованного в настоящее время русинского языка» (Рыбалко 2010: 304). Белей также считает очевидным влияние венгерского языка на «среднезакарпатский диалект». Кроме того, он отмечает аналогичные процессы с участием польского, чешского и румынского языков на различных территориях в разные исторические периоды (Белей 2017: 7–8). О венгерском языковом

влиянии на украинский язык подробно рассказывает, например, Елизавета Барань в своей монографии (Барань 2021).

Так можно ли назвать влияние венгерского языка на украинский в Закарпатской области суржиком или нет? С целью ответа на данный вопрос, попробуем более детально разобраться с характером украинско-венгерского языкового взаимодействия в Закарпатье. Начнем с того, что Масенко различает понятия «суржик» и «говоры переходного типа». По ее мнению, говоры сосуществуют как «равноправные языковые образования», а суржик – это «результат длительного контакта доминантного языка общеимперского распространения с подчиненным ему украинским языком» (Масенко 2019: 10).

До 1918 года территория современной Закарпатской области являлась частью Королевства Венгрии в составе Австро-Венгерской монархии. Украинский язык, который в те времена назывался здесь «русинским», никак не мог быть наравне с доминантным тогда венгерским. Тем не менее, это нельзя считать предпосылкой для создания украинско-венгерского суржика, потому как:

- 1) Королевство считало, что тут разговаривали именно на «русинском языке». Украинский воспринимался венгерским руководством как «другой язык, который использовался по ту сторону Карпат»;
- 2) Королевство не приветствовало в регионе украинский язык;
- 3) Как утверждают Фединец и Черничко, в начале XX в. проукраинская ориентация еще не имела здесь сильных позиций (Фединець, Черничко 2022: 71).

Следовательно, лучше связывать подобные явления с украинско-венгерской и русско-венгерской межъязыковой интерференцией, при этом не используя термин «суржик». Например, Белей пишет также следующее: «в частных объявлениях, локализуемых в районах Закарпатской области с венгерским гетерогенным населением, можно наблюдать активные процессы украинско-венгерской интерференции. Особенно ощутима межъязыковая интерференция на уровне лексики, синтаксиса и графики» (Белей 2012: 185). В статье Газдага и вовсе есть такая фраза, что территория Закарпатья является своеобразной «лабораторией по изучению интерференции», потому как в регионе «существуют все типы и виды языковых контактов и билингвизма» (Газдаг 2017: 53).

Влияние одного языка на другой обычно происходит в пределах одной языковой группы. Интерференция украинского и русского с венгерским языком в Закарпатской области – это, видимо, исключение из правил. Они не являются родственными, но все же нашли «точки соприкосновения» в результате многовекового контакта на данной территории. Пилипенко считает, что интерференция присутствует в речи всех билингвов и что не существует двуязычия без интерференции и наоборот. Таким образом, он приходит к выводу, что похожие ошибки имеют закарпатские, воеводинские и прекмурские венгры в Украине, Сербии и Словении

соответственно (Пилипенко 2017: 100–101). Поэтому кажется не совсем верным утверждение о том, что «закарпатские венгры и румыны не смешивают русский со своими родными языками» (Палади 2011: 134).

2 Влияние венгерского языка на украинский в языковом ландшафте Закарпатской области

Рассмотрим несколько примеров, где влияние венгерского языка отчетливо прослеживается на украинских уличных надписях в Закарпатской области. Возьмем, например, слово *павілон* (**павільйон*, рус. *павильон*) на фото 1, образованное, очевидно, под влиянием венгерского аналога *pavilon*.

Фото 1: Слово *павілон* (**павільйон*, рус. *павильон*) в украинском тексте под влиянием венгерского *pavilon* (фотография из собственного архива автора, Берегово, 2021 г.)

Данный случай можно связать с лингвистическим понятием «ложные друзья переводчика» (англ. «false friends»). Ложные друзья – это иноязычные заимствования с общим этимологом, которые усвоились во многих языках с тождеством хотя бы одного из значений, но отличаются по своему фонетическому или морфологическому оформлению. Как следствие, семантическая схожесть слов позволяет людям ошибочно думать, что звуковые формы данных лексем тоже должны совпадать в разных языках (Ковтюк 2015: 49). Прочие примеры: *цукрова ватта* (**вата*, рус. *сахарная вата*, но венг. *vattacukor*) (Hires-László 2019: 102), *касіно* (**казино*, но венг. *kaszinó*), *розмаринг* (**розмарин*, но венг. *rozmaring*) и т.д. Отдельно стоит отметить словосочетание *домашній котлет* (**домашняя котлета*, рус. *домашняя котлета*), которое, по-видимому, образовалось под влиянием венгерского *kotlett*. Любопытный момент здесь заключается в том, что, поскольку у «нового» слова *котлет* появилось нулевое окончание, то автор решил согласовать его с прилагательным в мужском роде (*домашній*).

Следующая группа ложных друзей переводчика состоит из одинаковых или визуально похожих слов из разных языков, но отличающихся по смыслу (т.е. межкультурная омонимия). Еще Михай Петер говорил, что «неучитывание различий в семантике и/или употреблении слов может привести при переводе с одного языка на другой к нежелательным недоразумениям» (Петер 1988: 147). К примеру, в венгерском языке есть словосочетание *natúr szelet*, т.е. кусок мяса, приготовленный в «чистом» виде, без панировочных сухарей и соуса. Однако, если назвать такой кусок мяса *натуральным* в украинском или русском языке, то тут скорее можно подумать, что дело идет о продукте естественного происхождения (без ГМО и прочей «химии»). В связи с этим, теряется изначальный смысл таких блюд, как: *натуральна свинина/sertés natúr szelet* (рус. *натуральная*), *індича грудка натуральна/pulykamell natúr* (рус. *индюшиная грудка натуральная*), *м'ясо натуральне з часником/fokhagymás natúrszelet* (рус. *мясо натуральное с чесноком*) и пр.

Венгерское слово *tészta*, в свою очередь, является заимствованием из славянских языков (Шальга 1984: 139). Однако, это не означает, что оно будет полностью совпадать по смыслу с современными лексемами *тісто* и *тесто* из украинского и русского языков соответственно. Так, например, венгерское *tészta* в значении ‘пищевые изделия из пшеничной муки и воды’ следует переводить не как *тесто*, а как *макароны*. Тем не менее, закарпатские венгры могут допускать подобную ошибку: *домашніе тісто* (**домашні макарони*, рус. *домашние макароны*), *бульйон з тістом* (**макаронами*, рус. *бульон с макаронами*), а также *тісто чіго* (имеется в виду особый вид макарон, известный в Венгрии как *csigatészta*) и пр. Помимо этого, есть случаи написания украинского слова *тісто* вместо *тістечко*: *тісто з яблуком... з кокосом... з фруктами* (рус. *пирожное с яблоком... с кокосом... с фруктами*).

Крайне важным моментом является перевод сложных имен существительных из венгерского языка на украинский. Так, например, есть случай написания *4,17 га зеркаловоди*, где *зеркаловоди* (**дзеркальної води*, рус. *зеркальной воды*), очевидно, написано слитно под влиянием венгерского *tükörvíz*. Ковтюк подчеркивает, что в украинском языке есть множество словосочетаний, которые в венгерском выражаются сложными существительными (Ковтюк 2015: 51). Попадают также дословные переводы таких слов: *магазин господаря/gazdabolt* (**господарський магазин*, рус. *хозяйственный магазин*) и *будинок села/faluház* (**сільська рада*, рус. *сельский совет*).

Помимо этого, хотелось бы отметить надпись на фото 2. Среди украинского текста здесь выделяется венгерская конструкция *Nyírmadán* (**у Ньїрмаді*, рус. *в Ньирмаде*, имеется в виду название поселка в Венгрии).

Фото 2: Венгерская конструкция *Nyírmadán* (**у Ньїрмаді*, рус. *в Ньирмаде*) в украинском тексте (фотография из собственного архива автора, Берегово, 2019 г.)

Не зная, как сказать на украинском, что дом находится именно там, автор просто решил взять оригинальную версию данного ойконима на венгерском. Стоит сказать, что в этом объявлении существуют также фразы, смысл которых не совсем понятен: *для продажу повністю обладнана багатопверховий житловий* (рус. *для продажи полностью оборудована многоэтажный жилой*) и *Угода!!! ВИКЛИК те ж саме!!!* (рус. *Соглашение!!! ВЫЗОВ то же самое!!!*).

3 Влияние славянских языков (украинского и русского) на венгерский в языковом ландшафте Закарпатской области

Далее переходим к анализу обратного явления, где уже на венгерских уличных надписях прослеживается влияние восточнославянских языков – украинского и русского. В венгерском языке слово имеет более сложную структуру, чем, скажем, в русском или украинском. Связано это с тем, что венгерский относится к агглютинативным языкам, где слова образуются с помощью агглютинации – присоединением аффиксов без изменения основ. Конкретно в венгерском языке таких аффиксов может быть по 4-5, каждый из которых является носителем одного отдельного грамматического значения (в редких случаях двух или больше). Даже тождественные значения здесь могут выражаться разными грамматическими способами, что существенно осложняет процесс освоения языковой системы (Черничко 2011: 220).

Русский и украинский языки, в свою очередь, являются флективными, в которых доминирует словоизменение при помощи флексий, сочетающих в себе до нескольких значений одновременно. Также не следует забывать, что данные языки относятся к восточнославянской группе индоевропейской языковой семьи, в то время как венгерский принадлежит к финно-угорской группе уральских языков.

Однако, это не останавливает некоторых венгероязычных родителей, которые все чаще и чаще стали записывать своих детей в школы с украинским языком обучения. Как считает Вильмош Газдаг, такой шаг ими делается с расчетом на то, что ребенок выучит государственный язык и перед ним откроется больше возможностей для дальнейшего обучения и получения профессии (Газдаг 2012: 187).

Далее Газдаг показывает, как уменьшается в целом количество учеников, сравнивая показатели за 2006/2007 и 2010/2011 учебные года, т.е. за четырехлетний период. Так, в Береговском районе число учащихся сократилось с 6634 до 5890 чел. При этом, если по району количество учеников из венгерских школ уменьшилось на 2,47%, то численность учащихся украинских школ выросла в том же объеме. Что касается самого города Берегово, то здесь также наблюдается тенденция к общему сокращению учеников – с 3632 до 3462 чел. Доля венгерских школ в 2006/2007 учебном

году составляла 48,2%, а в 2010/2011 – 39,8% (Газдаг 2012: 188). Проведя нехитрые математические расчеты, можно определить, что численность учеников в венгерских школах в городе Берегово сократилась с 1751 до 1378 чел.

Как отмечают Анико Берегсаси и Степан Черничко, роль венгероязычного образования состоит в том, что венгры Закарпатья владеют нормативным вариантом родного языка. По результатам социолингвистических исследований 2000 года, в которых участвовали 675 учеников-венгров средних школ Закарпатской области, наблюдается большое расхождение в употреблении нормативных вариантов отдельных языковых явлений между учащимися школ с венгерским языком обучения, и венгероязычными учениками украинских школ. В этой же работе приведен график, на котором большинство детей-венгров из школ, где обучение ведется на украинском языке, выбрали ненормативные варианты венгерского языка. Что касается детей, учащихся на родном языке, то цифры у них значительно лучше по сравнению с ребятами из предыдущего предложения (Берегсаси, Черничко 2005: 85).

Следует также упомянуть, что дети-венгры из украинских или двуязычных школ (с украинским и венгерским) города Берегово и Береговского района могут посещать или не посещать занятия по родному языку. Директора таких типов учебных заведений имеют право самостоятельно решать, вводить ли в учебный процесс уроки венгерского в рамках предусмотренных программой факультативных занятий. По результатам опроса, представленного в статье Вильмоша Газдага (в нем принимало участие 210 учеников 3-4 класса с венгерским родным языком), имеем следующие результаты: 38% изучает венгерский один раз в неделю, 31% – два раза в неделю и столько же не изучает свой родной язык вовсе (Газдаг 2012: 189–190). Это говорит о том, что уровень владения литературным венгерским языком у таких детей может существенно отличаться. Не менее важными моментами здесь являются: уделяет ли кто-то из родственников ребенка внимание его языковому образованию, имеет ли он друзей из венгероязычных школ, читает ли венгерскую литературу, смотрит ли образовательные передачи на своем родном языке и многое другое. В противном случае количество ненормативных вариантов может лишь возрасть, что проявляется не только на лексической, но и на морфологической системе венгерского языка (Черничко 2005: 156).

Рассмотрим, к примеру, надпись на фото 3. Данное объявление представляет собой неравнозначный перевод, причем в обе стороны (профессия охранника здесь доступна только на украинском, а кассира – только на венгерском). Однако, в названии профессии *kassir* отсутствует буква *z* (правильно *kasszír*), из-за чего создается такое впечатление, что автор просто написал русское слово *кассир* латинскими буквами. Касаемо же лексемы *kasszír*, то она существует в венгерском языке, но является малоупотребительной по сравнению с *pénztáros* или *kasszás*. Также здесь

присутствуют и другие ошибки (напр., отсутствие надстрочных знаков в слове *munkalehetőség* и совершенно непонятное слово *munkapert*, которое, очевидно, использовалось в качестве венгерского эквивалента для рабочих дней).

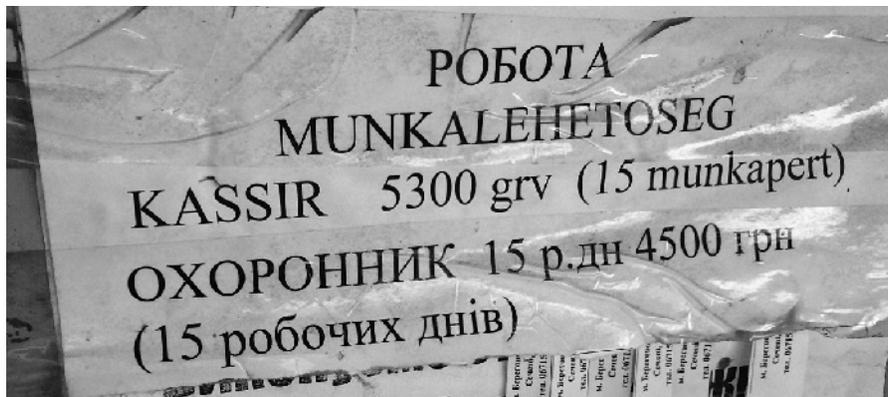

Фото 3: Слово *kassir* (**kasszír*) на венгерской надписи под влиянием русского *кассир* (фотография из собственного архива автора, Берегово, 2019 г.)

Следующий любопытный момент – названия улиц на венгерском. Так, на большом рекламном плакате (фото 4) можно увидеть *I.Franka utca*, а не *I.Franko utca*. Это означает, что за основу было взято украинское название – *вулиця І. Франка* (рус. *улица И. Франко*). Кроме того, стоит отметить неправильное написание диакритических знаков в словах *Oktòberi* (**Októberi*), *Ajàndèkozunk* (**Ajándékozunk*), *Akciònk* (**Akciónk*) и *Beregszász* (**Beregszász*).

Фото 4: Написание *I.Franka utca* (**I.Franko utca*, рус. *улица И. Франко*) в венгерском тексте под влиянием украинской версии *вулиця І. Франка* (фотография из собственного архива автора, Берегово, 2019 г.)

Влияние русского языка, в свою очередь, еще прослеживается на фото 5, где улица *Фабричная* обозначается как *Fabrichnaja* в венгерском тексте (правильно *Gyár utca*).

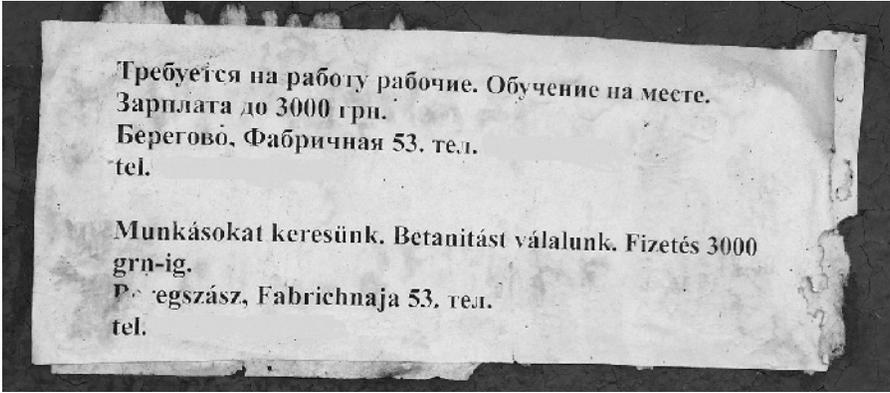

Фото 5: Слово *Fabrichnaja* (**Gyár utca*) в венгерском тексте под влиянием русского *Фабричная* (фотография из собственного архива автора, Берегово, 2019 г.)

Помимо всех вышеперечисленных моментов, закарпатским венграм порой сложно совершать транслитерацию имен известных славянских личностей. Так, имя видного украинского политического и государственного деятеля, гетмана Войска Запорожского Богдана Хмельницкого на венгерских уличных надписях может быть оформлено совершенно по-разному, к примеру:

- *B. Hmelynickij*;
- *B. Hmelnyickij*;
- *Bohdán Hmelnyickij*;
- *Bohdan Hmelnickij* (правильный вариант).

Не менее интересным явлением можно считать особенности сокращений венгерских дней недели в Закарпатье, которые на самом деле должны выглядеть так: *H, K, Sz, Cs, P, Szo, V*. Однако, иногда краткие формы здесь делаются по двухбуквенному «стандарту»: *HÉ, KE, SZ, CS, PÉ, SZ, VA*. Вполне возможно, что это связано с тем обстоятельством, что в украинском и русском языках дни недели всегда сокращаются к двум буквам (*ПН, ВТ, СР, ЧТ, ПТ, СБ, НД/ВС*). Так или иначе, а в результате мы получаем сходство в венгерских обозначениях среды и субботы (оба варианта пишутся как *SZ*) (фото 6). В другом примере также отсутствуют надстрочные знаки в кратких формах понедельника и пятницы (*He* и *Pe*, хотя правильно *Hétfő* и *Péntek*).

Неправильные сокращения еще могут прослеживаться в случае с денежными единицами. Так, например, после краткой формы венгерского слова *forint* (рус. *форинт*) может использоваться точка (*Ft., ft.*, хотя

правильно *Ft*). Есть предположение, что тут ставятся точки по аналогии с украинскими и русскими сокращениями денежных единиц (*грн.*, *к.* или *коп.*, *р.* или *руб.*).

Фото 6: Написание кратких форм венгерских дней недели по двухбуквенному образцу (*HÉ, KE, SZ, CS, PÉ, SZ, VA*) (фотография из собственного архива автора, Берегово, 2019 г.)

Напоследок рассмотрим случаи из языкового ландшафта Закарпатья, где венгерские слова используются в контексте, не характерном для венгров в целом. К примеру, чтобы сообщить дни, когда магазин не работает, на венгерском обычно используется слово *zárva* (напр., *vasárnap zárva*). Однако, в Закарпатской области оно не является основным. Такой вывод можно сделать, проанализировав графики работы здешних магазинов. Из 19 зафиксированных случаев, где указываются выходные дни магазинов, есть только 7 примеров с *zárva*. Еще в двух случаях находим слово *szünnap*, что для многих венгров уже может выглядеть странно. Впрочем, «абсолютный рекордсмен» здесь – слово *szabadnap*, которое встречается

целых 10 раз (как, например, на фото 6). Есть предположение, что это венгерские варианты словосочетания *выходной день*, заимствованного из славянских языков. Конечно, смысл обоих этих слов (*szabadnap* и *szünnap*) будет понятен любому венгру, но сам факт их употребления в данном контексте еще раз говорит о специфическом характере функционирования венгерского языка на уличных надписях в регионе.

То же самое можно сказать и про следующие слова, которые иногда появляются в контексте графика работы магазина вместо привычных венгерских *nyitvatartás* или *nyitvatartási idő*. Видимо, они образовались по аналогии со славянскими *магазин работает*, *рабочее время* или *мы работаем*.

- *munkarendje*;
- *munkaideje*;
- *munkaidő* (фото 7);
- *dolgozunk*.

Munkaidő		Робочий час	
hétfő	07:30 - 14:00	Понеділок	08:30 - 15:00
ked	07:30 - 14:00	Вівторок	08:30 - 15:00
szerda	07:30 - 14:00	середа	08:30 - 15:00
csütörtök	07:30 - 14:00	четвер	08:30 - 15:00
péntek	07:30 - 14:00	п'ятниця	08:30 - 15:00
szombat	-----	Субота	-----
vasárnap	-----	неділя	-----

Фото 7: Использование венгерского слова *munkaidő* и его дословного украинского перевода *робочий час* (рус. *рабочее время*) (фотография из собственного архива автора, Берегово, 2019 г.)

Любопытно, что на фото 7 мы также находим неправильное написание венгерского слова *ked* (**kedd*, рус. *вторник*).

Выводы

Когда происходит регулярный языковой контакт между носителями разных языков, то их взаимодействие неизбежно, даже если мы имеем дело с такими разными языковыми группами и подгруппами, как финно-угорская (венгерский язык) и восточнославянская (украинский и русский). В таких условиях возможно как неполное усвоение литературных норм каждого языка по отдельности, так и смешение разных языков. Данный факт подтверждается наличием соответствующих примеров прямо на улицах Закарпатской области.

Всего почти один миллион этнических венгров проживает в разных славянских странах (Словакия, Сербия, Украина, Хорватия, Словения и др.). Поэтому крайне важно понимать, как славянские и венгерские слова могут изменяться или приобретать иной смысл на этих территориях. Таким образом, прикладной подход к анализу языкового ландшафта позволяет изучить данный вопрос не только с точки зрения теории, но еще и зафиксировать подобные примеры на практике. Информация такого рода могла бы быть полезной для более продуктивного преподавания государственных славянских языков, а также венгерского языка в школах Закарпатья, Прекмурья, Воеводины и других регионов.

В связи с этим, было бы любопытно также увидеть анализ использования языков на уличных надписях касательно словенско-венгерских и сербско-венгерских билингвов от местных исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

Olga BEVER, 2010: *Linguistic Landscape of Post-Soviet Ukraine: Multilingualism and Language Policy in Outdoor Media and Advertising*. Doctoral Thesis. University of Arizona.

Michael FLIER, 2000: Surzhyk: The rules of engagement. *Harvard Ukrainian Studies* 22, 113–129.

Kornélia HIREŠ-LÁSZLÓ, 2019: Linguistic landscapes in a Western Ukrainian town. *Corvinus Journal of Sociology and Social Policy* 10/1, 87–111.

Zoltán KARMACSI, 2019: Linguistic Landscape of Transcarpathia's Tourism. *A nyelvészet műhelyéből. Tanulmányok a Hodinka Antal Nyelvészeti Kutatóközpont kutatásából V*. Eds. István Csernicskó, Anita Márku. Ungvár: Autdor-Shark. 101–124.

Rodrigue LANDRY, Richard BOURHIS, 1997: Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: an empirical study. *Journal of Language and Social Psychology* 16/1, 23–49.

Svetlana Anatol' L'NYAVSKIY-EKELUND, 2016: *Ukrainian Language Policy: The Status of Russian in English Language Medium Ukrainian and Russian Newspapers and in the Linguistic Landscape of Four Regions*. Master's Thesis. Lund University.

Aneta PAVLENKO, 2009: Language conflict in post-Soviet linguistic landscapes. *Journal of Slavic Linguistics* 17, 247–274.

Aneta PAVLENKO, 2010: Linguistic landscape of Kyiv, Ukraine: A diachronic study. *Linguistic landscape in the city*. Bristol, UK: Multilingual Matters. 133–150.

Aneta PAVLENKO, 2012: Transgression as the norm: Russian in linguistic landscape of Kyiv, Ukraine. *Minority languages in the linguistic landscape*. Palgrave. 36–56.

Богдан АЖНЮК, 1999: *Мовна єдність нації: діаспора й Україна*. Київ: Рідна мова. [Bogdan AŽNJUK, 1999: *Movna iednist' nacii: diaspora j Ukraïna*. Kiïv: Ridna mova.]

Слизова БАРАНЬ, 2021: *Hungaro-Ucrainica. Угорсько-українські зв'язки: мовна інтерференція і мовознавчі контакти*. Берегове–Ужгород: ЗУІ ім. Ф. Ракоці II – ТОВ «РІК-У».

[Ielizaveta BARAN', 2021: *Hungaro-Ucrainica. Ugors'ko-ukraïns'ki zvjazki: movna interferencija i movoznavči kontakti*. Beregove–Užgorod: ZUI im. F. Rakoci II – TOV «RIK-U».]

Лесь БЕЛЕЙ, 2012: *Мовний ландшафт Закарпатської області України початку XXI ст.* Дисертація канд. філол. наук. Нац. акад. наук України, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України.

[Les' BELEJ, 2012: *Movnij landšaft Zakarpats'koï oblasti Ukraïni počatku XXI st.* Disertacija kand. filol. nauk. Nac. akad. nauk Ukraïni, In-t movoznavstva im. O. O. Potebni NAN Ukraïni.]

Лесь БЕЛЕЙ, 2017: Суржик: соціолінгвістична перспектива. *Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства* 22, 5–8.

[Les' BELEJ, 2017: Suržik: sociolingvistična perspektiva. *Sučasni problemi movoznavstva ta literaturoznavstva* 22, 5–8.]

Аніко БЕРЕГСАСІ, Степан ЧЕРНИЧКО, 2005: Українська мова у школах з угорською мовою навчання у соціолінгвістичному аспекті. *Українознавство* 4, 82–86.

[Aniko BEREGSASI, Stepan ČERNIČKO, 2005: Ukraïns'ka mova u školah z ugors'koju movoju navčannja u sociolingvističnomu aspekti. *Ukraïnoznavstvo* 4, 82–86.]

Іван БІЛОДІД, 1978: *Словник української мови. Т. 9*. Київ: Наукова думка.

[Ivan BILODID, 1978: *Slovník ukraïns'koï movi. T. 9*. Kiïv: Naukova dumka.]

Вільмош ГАЗДАГ, 2012: Використання мов (рідної та державної) угорськомовними учнями Закарпаття. *Prolínání Slovanských Prostředí*. 185–194.

[Vil'moš GAZDAG, 2012: Viktoristannja mov (ridnoï ta deržavnoï) ugors'komovnimi učnjami Zakarpattja. *Prolínání Slovanských Prostředí*. 185–194.]

Вільмош ГАЗДАГ, 2015: Вплив української мови на лексичну систему угорських говірок Закарпаття. *Діалектологічні студії* 10, 393–401.

[Vil'moš GAZDAG, 2015: Vpliv ukraïns'koï movi na leksičnu sistemu ugors'kih govirok Zakarpattja. *Dialektologični studii* 10, 393–401.]

Вільмош ГАЗДАГ, 2017: Вплив державної мови на угорські говори Закарпаття. *Проблеми і перспективи розвитку науки в Україні та світі: Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції (м. Київ, 27–28 жовтня 2017 р.)*. Київ. 53–55.

[Vil'moš GAZDAG, 2017: Vpliv deržavnoï movi na ugors'ki govori Zakarpattja. *Problemi i perspektivi rozvitku nauki v Ukraïni ta sviti: Materiali Mižnarodnoï naukovopraktičnoï konferencii (m. Kiïv, 27–28 žovtnja 2017 r.)*. Kiïv. 53–55.]

Корнелія ГРЕШ-ЛАСЛОВ, 2015: Роль мови у виникненні етнічних кордонів у місті Берегово. *Філологічний часопис* 1, 13–20.

[Kornelija GIREŠ-LASLOV, 2015: Rol' movi u viniknenni etničnih kordoniv u misti Beregovo. *Filologičnij časopis* 1, 13–20.]

Павло ГРИЦЕНКО, 2003: Проблема критеріїв оцінки мовної ситуації в Україні в останні десятиліття ХХ століття. *Язык український. Współczesność – historia*. Lublin. 15–23.

[Pavlo GRICENKO, 2003: Problema kriteriiv ocinki movnoї situacii v Ukraїni v ostanni desjatilittja XX stolittja. *Język ukraiński. Współczesność – historia*. Lublin. 15–23.]

Иштван КОВТЮК, 2015: Про питання перекладу з української мови на угорську і з угорської мови на українську. *Nyelvoktatás, kétnyelvűség, nyelvi tájkép*. Eds. Anita Márku, Kornélia Hires-László. Ungvár: Autdor-Shark. 44–68.

[Ištván KOVTJUK, 2015: Pro pitannja perekladu z ukraїns'koї movi na ugars'ku i z ugars'koї movi na ukraїns'ku. *Nyelvoktatás, kétnyelvűség, nyelvi tájkép*. Eds. Anita Márku, Kornélia Hires-László. Ungvár: Autdor-Shark. 44–68.]

Тамара КОЗАК, 2019: Англомовний колорит лінгвістичного пейзажу українського міста (на основі аналізу мовного ландшафту Львова). *Філософія та політологія в контексті сучасної культури* 11/2, 77–82.

[Tamara KOZAK, 2019: Anglomovnij kolorit lingvističnogo pejzažu ukraїns'kogo міста (na osnovi analizu movnogo landšaftu L'vova). *Filosofija ta politologija v konteksti sučasnoї kul'turi* 11/2, 77–82.]

Лариса МАСЕНКО, 2019: *Суржик: між мовою і язиком*. Київ: Києво-Могилянська академія.

[Larisa MASENKO, 2019: *Suržik: miž movoju i jazikom*. Kiiv: Kiievo-Mogiljans'ka akademija.]

Наталя МАТВЕСВА, 2022: Особливості білінгвальних практик жителів Києва й Тернополя. *Мова: класичне – модерне – постмодерне* 8, 83–99.

[Natalja MATVEIEVA, 2022: Osoblivosti bilingval'nih praktik žiteliv Kiieva j Ternopolja. *Mova: klasične – moderne – postmoderne* 8, 83–99.]

Світлана МЕЛЬНИК, Степан ЧЕРНИЧКО, 2010: *Етнічне та мовне розмаїття України: Аналітичний огляд ситуації*. Ужгород: ПоліПрінт.

[Svitlana MEL'NIK, Stepan ČERNIČKO, 2010: *Etnične ta movne rozmaїttja Ukraїni: Analitičnij ogljad situacii*. Užgorod: PoliPrint.]

Міхаель МОЗЕР, 2016: «Суржик» чи «суржики»? *Українська мова* 1, 27–54.

[Mihael' MOZER, 2016: «Suržik» či «suržiki»? *Ukraїns'ka mova* 1, 27–54.]

Анета ПАВЛЕНКО, 2017: Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика* 21/3, 493–514.

[Aneta PAVLENKO, 2017: Jazykovye landšafty i drugie sociolingvističeskie metody issledovanija russkogo jazyka za rubežom. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Lingvistika* 21/3, 493–514.]

Ангела ПАЛАДИ, 2011: *Русский язык как Lingua Franca в закарпатском городе Соловьино в наши дни (с привлечением параллельных примеров из Приднестровья и Гагаузии)*. Докторская диссертация на соискание научной степени PHD. Будапешт: Университет им. Лоранда Этвеша.

[Angela PALADI, 2011: *Russkij jazyk kak Lingua Franca v zakarpatskom gorode Solotvino v naši dni (s privlečeniem parallel'nyh primerov iz Pridnestrov'ja i Gagauzii)*. Doktorskaja dissertacija na soiskanie naučnoj stepeni PHD. Budapešt: Universitet im. Loranda Ètveša.]

Ангела ПАЛАДИ, 2021: Морфосинтаксические особенности русского языка в закарпатском Солотвине и приднестровском Тирасполе. *Studia Slavica* 66/2, 385–402.

[Angela PALADI, 2021: Morfosintaksičeskie osobennosti russkogo jazyka v zakarpatskom Solotvine i pridnestrovskom Tiraspole. *Studia Slavica* 66/2, 385–402.]

Михай ПЕТЕР, 1988: О «ложных друзьях переводчика» в русском и венгерском языках. *Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica* 20, 147–155.

[Mihaj PETER, 1988: O «ložnyh druž'jah perevodčika» v russkom i vengerskom jazykah. *Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica* 20, 147–155.]

Глеб ПИЛИПЕНКО, 2014: Второязычная речь закарпатских венгров: социолингвистический и структурный аспект. *Українсько-угорські міжмовні контакти: минуле і сучасність. Az ukrán-magyar nyelvi kapcsolatok múltja és jelene*. Ред. Єлизавета Барань, Степан Черничко. Ужгород: Видавництво В. Падяка. 246–265.

[Gleb PILIPENKO, 2014: Vtorojazyčnaja reč' zakarpatskih vengrov: sociolingvističeskij i strukturnyj aspekt. *Ukraïns'ko-ugors'ki mižmovni kontakti: minule i sučasnist'.* *Az ukrán-magyar nyelvi kapcsolatok múltja és jelene*. Red. Ielizaveta Baran', Stepan Černičko. Užgorod: Vidavnictvo V. Padjaka. 246–265.]

Глеб ПИЛИПЕНКО, 2017: Українська мова закарпатських угорців. *Többsnyelvűség, regionalitás, nyelvoktatás. Tanulmányok a Hodinka Antal Nyelvészeti Kutatóközpont kutatásaiból III*. Eds. Anita Márku, Enikő Tóth. Ungvár: «RIK-U». 100–107.

[Gleb PILIPENKO, 2017: Ukraïns'ka mova zakarpats'kih ugorciv. *Többsnyelvűség, regionalitás, nyelvoktatás. Tanulmányok a Hodinka Antal Nyelvészeti Kutatóközpont kutatásaiból III*. Eds. Anita Márku, Enikő Tóth. Ungvár: «RIK-U». 100–107.]

Олександр РИБАЛКО, 2010: *Правдиве українське серце*. Київ: Простір.

[Oleksandr RIBALKO, 2010: *Pravdive Ukraïns'ke serce*. Kiïv: Prostir.]

Олександр ТАРАНЕНКО, 2007: Суржик. *Українська мова. Енциклопедія (третє видання, зі змінами і доповненнями)*. Київ. 689–692.

[Oleksandr TARANENKO, 2007: Suržik. *Ukraïns'ka mova. Enciklopedija (tretie vidannja, zi zminami i dopovnennjami)*. Kiïv. 689–692.]

Ганна ТАРКАНИЙ, 2011: *Закарпатська відповідь українському «мовному питанню»*. <https://zakarpattya.net.ua/News/80913-Zakarpatska-vidpovid-ukrainskomu-movnomu-pytanniu-> (16.10.2023).

[Ganna TARKANIJ, 2011: *Zakarpats'ka vidpovid' Ukraïns'komu «movnomu pitannju»*. <https://zakarpattya.net.ua/News/80913-Zakarpatska-vidpovid-ukrainskomu-movnomu-pytanniu-> (16.10.2023).]

Чілла ФЕДИНЕЦЬ, Степан ЧЕРНИЧКО, 2022: Історично-структурні чинники мовного розвитку Закарпаття в період Австро-Угорської монархії (1867–1918). *Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність*. Вип. 35. Ред. Ігор Соляр. Львів: НАН України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича. 63–77.

[Čilla FEDINEC', Stepan ČERNIČKO, 2022: Istorično-strukturni činniki movnogo rozvitku Zakarpattja v period Avstro-Ugors'koï monarhii (1867–1918). *Ukraïna: kul'turna*

spadščina, nacional'na svdomist', deržavnist'. Vip. 35. Red. Igor Soljar. L'viv: NAN Ukraïni, Institut Ukraïnoznavstva im. I. Krip'jakeviča. 63–77.]

Олександр ЧЕРЕДНИЧЕНКО, 2007: *Про мову і переклад*. Київ.

[Oleksandr ČEREDNIČENKO, 2007: *Pro movu i pereklad*. Kiïv.]

Степан ЧЕРНИЧКО, 2005: Соціолінгвістичний аспект вивчення українсько-угорських міжмовних контактів і освіта. *Nyelv és oktatás. A 21. század elején. Nemzetközi tudományos konferencia előadásainak gyűjteménye*. Ungvár: PoliPrint. 153–165.

[Stepan ČERNIČKO, 2005: Sociolingvističnij aspekt vivčennja Ukraïns'ko-ugors'kih mižmovnih kontaktiv i osvita. *Nyelv és oktatás. A 21. század elején. Nemzetközi tudományos konferencia előadásainak gyűjteménye*. Ungvár: PoliPrint. 153–165.]

Степан ЧЕРНИЧКО, 2009: Проблемні питання викладання української мови у школах з угорською мовою навчання. *Державотворча й об'єднувальна функції української мови: реалії, здобутки, перспективи*. Ужгород: Ліра. 105–116.

[Stepan ČERNIČKO, 2009: Problemni pitannja vkladannja Ukraïns'koï movi u školah z ugors'koju movoju navčannja. *Deržavotvorča j ob'iednuval'na funkcii Ukraïns'koï movi: realii, zdobutki, perspektivi*. Užgorod: Lira. 105–116.]

Степан ЧЕРНИЧКО, 2011: Ще раз про проблеми викладання української мови у школах з угорською мовою навчання. *Розвиток гуманітарного співробітництва в українсько-угорському прикордонному регіоні: аналіз, оцінки*. Ужгород: Ліра. 213–224.

[Stepan ČERNIČKO, 2011: Šče raz pro problemi vkladannja Ukraïns'koï movi u školah z ugors'koju movoju navčannja. *Rozvitok humanitarnogo spivrobotnictva v Ukraïns'ko-ugors'komu prikordonnomu regioni: analiz, ocinki*. Užgorod: Lira. 213–224.]

Степан ЧЕРНИЧКО, 2013: Якісна мовна освіта як засіб збереження етнічного, мовного та культурного розмаїття Закарпаття. *Міжетнічна та міжконфесійна толерантність як чинник консолідації українського суспільства: досвід Закарпаття*. Ужгород: Ліра. 75–83.

[Stepan ČERNIČKO, 2013: Jakisna movna osvita jak zasib zberežennja etničnogo, movnogo ta kul'turnogo rozmaït'tja Zakarpattja. *Mižetnična ta mižkonfesijna tolerantnist' jak činnik konsolidacii Ukraïns'kogo suspil'stva: dosvid Zakarpattja*. Užgorod: Lira. 75–83.]

Степан ЧЕРНИЧКО, 2014: Мовна політика і мовний ландшафт сучасного Закарпаття в історичному плані (1900-1944 рр.). *Українсько-угорські міжмовні контакти: минуле і сучасність. Az ukrán-magyar nyelvi kapcsolatok múltja és jelene*. Red. Єлизавета Барань, Степан Черничко. Ужгород: Видавництво В. Падяка. 48–66.

[Stepan ČERNIČKO, 2014: Movna politika i movnij landšaft sučasnogo Zakarpattja v istoričnomu plani (1900-1944 rr.). *Ukraïns'ko-ugors'ki mižmovni kontakti: minule i sučasnist'*. *Az ukrán-magyar nyelvi kapcsolatok múltja és jelene*. Red. Ielizaveta Baran', Stepan Černičko. Užgorod: Vidavnicтво V. Padjaka. 48–66.]

Степан ЧЕРНИЧКО, 2017: Дискримінація учасників шкіл України с венгерським мовним середовищем. *Többsnyelvűség, regionalitás, nyelvtanítás. Tanulmányok a Hodinka Antal Nyelvészeti Kutatóközpont kutatásaiából III*. Eds. Anita Márku, Enikő Tóth. Ungvár: «RIK-U». 223–233.

[Stepan ČERNIČKO, 2017: Diskriminacija učešćihša škol Ukrainy s vengerskim jazykom obučenija. *Többsnyelvűség, regionalitás, nyelvoktatás. Tanulmányok a Hodinka Antal Nyelvészeti Kutatóközpont kutatásaiból III*. Eds. Anita Márku, Enikő Tóth. Ungvár: «RIK-U». 223–233.]

Степан ЧЕРНИЧКО, 2018: Державна мова для угорців Закарпаття: чинник інтеграції, сегрегації або асиміляції? *Стратегічні пріоритети* 1, 97–105.

[Stepan ČERNIČKO, 2018: Deržavna mova dlja ugorciv Zakarpattja: činnik integracii, segregacii abo asimiljacii? *Strategični prioriteti* 1, 97–105.]

Степан ЧЕРНИЧКО, 2019: Роль громадських активістів у формуванні мовного ландшафту та мовної політики. *A nyelvészet műhelyeiből. Tanulmányok a Hodinka Antal Nyelvészeti Kutatóközpont kutatásaiból V*. Eds. István Csernicskó, Anita Márku. Ungvár: Autdor-Shark. 125–134.

[Stepan ČERNIČKO, 2019: Rol' gromads'kih aktivistiv u formuvanni movnogo landšaftu ta movnoji politiki. *A nyelvészet műhelyeiből. Tanulmányok a Hodinka Antal Nyelvészeti Kutatóközpont kutatásaiból V*. Eds. István Csernicskó, Anita Márku. Ungvár: Autdor-Shark. 125–134.]

Степан ЧЕРНИЧКО, Єлизавета БАРАНЬ, 2013: Вивчення української мови у школах з угорською мовою навчання. *Теорія і практика викладання української мови як іноземної* 8, 72–78.

[Stepan ČERNIČKO, Ielizaveta BARAN', 2013: Vivčennja ukrains'koji movi u školah z ugars'koju movoju navčannja. *Teorija i praktika vkladannja ukrains'koji movi jak inozemnoj* 8, 72–78.]

Аттила ШАЛЬГА, 1984: *Венгерский язык в зеркале русского языка*. Будапешт: Tankönyvkiadó.

[Attila ŠAL'GA, 1984: *Vengerskij jazyk v zerkale russkogo jazyka*. Budapešt: Tankönyvkiadó.]

Галина ШУМИЦЬКА, 2021: *Мовна ситуація на Закарпатті в 1991-2020 роках: регіональний вимір мовної політики*. Дисертація на здобуття наукового ступеня доктора філологічних наук.

[Galina ŠUMIC'KA, 2021: *Movna situacija na Zakarpatti v 1991-2020 rokah: regional'nij vimir movnoji politiki*. Disertacija na zdobuttja naukovogo stupenja doktora filologičnih nauk.]

ZNAČILNOSTI PREPLETANJA SLOVANSKIH JEZIKOV (UKRAJINŠČINE IN RUŠČINE) Z MADŽARŠČINO V JEZIKOVNI KRAJINI ZAKARPATSKE REGIJE

Prispevek prinaša analizo več primerov mešanja slovanskih jezikov, ukrajinščine in ruščine, z madžarščino v Zakarpatski regiji Ukrajine. Dejstvo o nesorodnosti teh jezikov (ukrajinščina in ruščina namreč spadata v vzhodnoslovansko skupino indoevropskih jezikov, madžarščina pa v ugrofinsko skupino uralskih jezikov) zakarpatskim Madžarom ne preprečuje prepletanja njihovih značilnosti na ukrajinskih in madžarskih uličnih napisih. Glavni razlogi za ta pojav so naslednji: 1) naravni procesi, saj zakarpatski Madžari in Ukrajinci na tem ozemlju živijo že več stoletij in ohranjajo medsebojno kulturno

povezavo; 2) Madžari večinoma živijo v madžarsko govorečih naseljih v Zakarpatju in lahko imajo omejen dostop do državnega ukrajinskega jezika; 3) šolski kurikulum za učenje ukrajinskega jezika je univerzalen za vse narodnosti in ni zasnovan posebej za madžarsko manjšino. Do neke mere prepoznavamo analogijo z mešanjem ukrajinščine z ruskim jezikom, bolj znanim kot *suržik*. Po drugi strani pa mešanja ukrajinskega jezika z madžarskim jezikom v jezikovni krajini Zakarpatja ni mogoče šteti zgolj za eno od vrst *suržika*, saj bi do podobnih pojavov teoretično lahko prišlo tudi drugje. Skoraj milijon etničnih Madžarov živi v različnih slovanskih državah (kot so Slovaška, Srbija, Ukrajina, Hrvaška, Slovenija), zato je pomembno razumeti, kako se slovanske in madžarske besede ali konstrukcije spreminjajo na območjih, kjer živi madžarska narodna manjšina. Aplikativni pristop k analizi jezikovne krajine omogoča preučevanje tega vprašanja ne le s teoretičnega, temveč tudi praktičnega vidika. Dane informacije bi lahko bile koristne tudi za bolj produktivno poučevanje državnih slovanskih jezikov (npr. ukrajinščine, slovenščine, srbsčine) in madžarščine v šolah v Zakarpatju in tudi v Prekmurju, Vojvodini ter drugih regijah. Prav zato bi bilo zanimivo podobno analizo jezikovne krajine narediti tudi za slovensko-madžarske in srbsko-madžarske dvojezične govorke in govorce.
